

Лайза Фокс

**Личный
врач 24/7**

Клиника. Детская областная

Лайза Фокс

Личный врач 24/7

«Автор»

2026

Фокс Л.

Личный врач 24/7 / Л. Фокс — «Автор», 2026 — (Клиника. Детская областная)

Миллиардер Юрий Целлер не выглядел как маньяк. Его жена погибла в аварии, а сын был серьёзно покалечен. Он был любящим отцом, и я согласилась стать круглосуточным реабилитологом подростка. После грабительского развода у меня не было жилья, а кредит надо было чем-то платить. Но, подписав договор с огромной неустойкой, я оказалась в золотой клетке: охрана, камеры на каждом углу, запрет на телефон. А главное, после увольнения с работы, меня никто не будет искать. - Это похоже на похищение, выдохнула я. - На рабство. Юрий Целлер склонил голову к плечу. - Именно. - Мы живём в современном мире. Какое рабство? Он наклонился ближе. Его пальцы легли на моё запястье. - Сексуальное. Короткая повесть про подругу нашего травматолога Акимова

Содержание

Добро пожаловать в клетку	5
Не рекомендую	7
Заставлять нельзя	9
Сложные переговоры	12
Первое занятие	14
Авария	17
Тени прошлого	20
Я сказал, нельзя!	23
Прорыв	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лайза Фокс

Личный врач 24/7

Добро пожаловать в клетку

В загородном коттедже было столько медицинской аппаратуры, что он легко мог соперничать с частными реабилитационными центрами.

— Вас всё устраивает? – спросил меня будущий работодатель.

Юрий обвёл взглядом кабинет для физиопроцедур. При этом его голубые глаза стали оценивающими.

— Да, это рай для реабилитолога. У вас есть всё необходимое и ещё чуть-чуть. Особенно мне понравились подъёмники в бассейне.

— Вы собираетесь их использовать?

Во взгляде Юрия появился интерес.

— Да. После шести месяцев почти без движения, это оптимальный вариант реабилитации.

— Но надежда, что сын пойдёт есть?

Теперь Юрий сложил руки на груди, и под дорогой костюмной тканью я увидела прекрасно проработанные мышцы. Значит, спортом тоже занимался регулярно.

— Безусловно. И травматолог Акимов, и невролог Бормина, к которой на консультацию приезжают даже из других областей, дали положительные заключения. Значит, надо просто работать.

— И всё?

Юрий смотрел на меня, как на шарлатанку, пытающуюся ему продать за большие деньги панацею от всех болезней и бедности заодно. И мне нравился его скептический настрой. Не надо очаровываться, надо пахать.

— Нет, не всё. Надо понимать, как и сколько работать, а уже потом, через боль, головокружение и лень, восстанавливать утраченные функции. От вас прошу поддержки в исполнении плана реабилитации.

— Обеспечу. Если это всё, что вы хотели узнать, предлагаю пройти в кабинет и подписать договор.

Юрий вышел в коридор и повёл меня на второй этаж. Кабинет напоминал каюту космического корабля. Мебель, включая закрытые книжные шкафы и столы, была выполнена из стекла и металла.

— Это моя личная территория. Сюда никто не имеет права входить. Ваша спальня и рабочие помещения только на первом этаже. Сюда не заходите ни под каким предлогом.

Я промолчала, но позволила себе едва заметную усмешку. Неужели были прецеденты? Он сделал вид, что не заметил моей реакции. Придвинул кресло от окна к столу. Помог мне сесть. Сам занял место со стороны четырёх больших мониторов. Продолжил так же спокойно:

— Вы уже читали договор в машине. Вопросы есть?

— Есть. Пункт четырнадцать, — сказала я, открывая нужную страницу. — Телефонные звонки и отъезды только после личного согласования с вами.

— Это не обсуждается.

— Я не об этом. — я выдержала паузу. Посмотрела прямо в глаза. — Вы требуете, чтобы я поставила вашего сына на ноги. Но без психолога, травматолога, невролога, без команды, которую можно было бы привлекать, это осложняет клиническую ситуацию. А она и без этого непростая.

В глазах Юрия засверкал лёд упрямства. Он качнул головой, смахивая со лба отросшую тёмно-русую чёлку.

— Я плачу вам в три раза больше, чем вы получаете в больнице. Если Денис встанет — выплачу премию, равную годовой зарплате. Это будет достаточной компенсацией за неудобство. Тем более что медицинское оборудование чувствительно к системам связи. Важно. Если бросите работу раньше, быстрее, чем 30 дней с момента подписания — заплатите неустойку, в том же размере годовой оплаты. — Он подвинул ко мне ручку. — Подписывайте.

Свой договор я подписала и убрала в сумку, а Юрий – в выдвижной ящик шкафа на магнитном замке. Разве их не только на входные двери ставят? Чтобы закончить с трудоустройством, я достала второй телефон из сумки и двинулась к двери. Но разблокировать не успела.

Тишина в кабинете стала абсолютной. А потом в мою сторону метнулась мужская тень в грифельном костюме.

— Что это? – рявкнул Юрий.

— Мой рабочий инструмент, — спокойно ответила я. — Проведя осмотр оборудования в доме, могу дать вам гарантию, что среди имеющихся приборов ни один не сломается из-за мобильного телефона. Здесь нет ни МРТ, ни даже кардиостимулятора, который давал бы сбой. — Я выдержала его взгляд. — Вы плохо учили физику, Юрий Юрьевич.

Он придвинулся ко мне почти вплотную. Я отпрянула, уперевшись спиной в книжный шкаф. Он навис надо мной, прожигая взглядом.

— Вы сделали глупость!

— Я всего лишь хочу иметь возможность связи с внешним миром.

— В договоре чётко сказано: «Телефонные звонки только с согласования работодателя».

— Так согласуйте.

— Нет. — Он шагнул ближе. — Сейчас нельзя.

— А когда можно?

— Никогда.

Сердце болезненно сжалось в груди.

— Но это похоже на похищение. На рабство.

Юрий склонил голову вбок. На его губах появилась холодная, пугающая улыбка.

— Именно.

Мужчина придвинулся ещё ближе.

— Мы живём в современном мире. Какое рабство? – сбивчиво спросила я.

Он наклонился ещё ближе. Его пальцы легли на моё запястье, сжимающее телефон. Он прошептал так тихо, что по коже побежали мурашки:

— Сексуальное.

Телефон выпал из моих рук. Юрий поймал его, даже не глядя. Чётко произнёс:

— Добро пожаловать, доктор Кислицына.

И эхо в моей голове отозвалось:

— В клетку!

Не рекомендую

Юрий стукнул в дверь сбоку от меня дважды. А когда её распахнул парень лет тридцати пяти с ёжиком светлых волос и колким взглядом тёмных глаз, протянул ему мой телефон.

— Утилизируйте. Проводите Софию Борисовну, объясните правила. И, Максим, давайте сразу без иллюзий.

— Будет сделано, – отозвался мужчина.

Я постаралась протиснуться между Юрием и шкафом, но затормозила. Меня ещё потряхивало от нашего разговора про сексуальное рабство. А скользить в таком состоянии по мужскому телу, заставившему меня трястись, было глупо.

Юрий мне задачу облегчать не собирался. Он смотрел с вызовом. Словно проверял меня на крепость духа и способность разумно действовать в нестандартных ситуациях. Вот как? Будет вам ответ.

Я замерла и спокойным голосом профессионала произнесла.

— Освободите, пожалуйста, проход, Юрий Юрьевич. Я не хотела бы вас случайно задеть.

У меня было желание вмазать ему по лицу намеренно. Но я сдержалась, хотя сарказм на последнем слове был хорошо заметен. Хозяин дома прищурился. Он хотел что-то ответить, но вместо этого, сделал шаг назад.

— До ужина вы совершенно свободны. Всё, что вам нужно из одежды для занятий или любых других вещей, которых вы лишились при внезапном переезде, сообщите Максиму. Он отвечает не только за безопасность, но и за функциональность нашего быта. Разумеется, без сверхзапросов в виде топовых брендов. В остальном – сразу к Максиму. Вы будете работать с ним в плотной связке. Поэтому не стесняйтесь.

Я шагнула к двери и, оказавшись на безопасном расстоянии, медленно выдохнула, стараясь, чтобы моё волнение осталось незаметным. Но судя по тому, как сверкнул взглядом в мою сторону Юрий Юрьевич, и это от него не ускользнуло.

Мне хотелось выглядеть безразличным и профессиональным доктором. Но на самом деле я тряслась, как заячий хвост. И пока спускалась на первый этаж, чувствовала дрожь в коленях и пальцах. Даже спрятала руки в карманы, чего никогда не делала.

У меня было ощущение, что я подписала договор с дьяволом. Рабство сексуальное. Грубое чувство юмора. Нашёл с чем шутить, когда я оказалась в его полной власти по условиям договора, который даже стащить не получится перед бегством.

А меня это правда напугало. Не хотелось бы начать шарахаться от Юрия, как озабоченная малолетка. Поэтому я постаралась взять себя в руки и успокоиться.

Максим, даже не догадываясь о том, что у меня творилось в голове, проводил меня к комнате в правом крыле. За дверью оказалась симпатичная спальня. Чуть больше стандартного номера в гостинице. Со своим санузлом, встроенным шкафом и даже столом и креслом для работы.

В ней не было никаких личных вещей или зацепок, по которым можно было догадаться, кто жил здесь раньше. Моя сумка с вещами стояла возле кровати. Слава богу, неразобранная. Хотя, уверенности, что мои вещи не досматривали, не было.

— Жить будете здесь. В правом крыле все диагностические и процедурные комнаты. Бассейн тоже рядом. В этой части и в центральной зоне с гостиной и столовой вы можете свободно передвигаться в любое время.

— А где живут остальные?

Я задала вопрос не для того, чтобы получить информацию. Мне хотелось увидеть, что будут отвечать и насколько охотно. Максим несколько секунд смотрел на меня не мигая. Ответил спокойно:

— Ваш пациент живёт в левом крыле. Юрий Юрьевич – на втором этаже. Туда вам следует входить только по вызову.

По вызову! Фраза царапнула меня неоднозначностью. Разозлила так, что я задала следующий вопрос, чтобы избавиться от нервозности.

— А где живёте вы?

Максим моргнул от неожиданности. В остальном на его лице не дрогнул ни один мускул.

— Я живу в отдельном домике на участке. Если понадобится, вы можете позвонить мне, используя стационарный телефон. Нужная комбинация цифр на листке рядом с аппаратом. Я уже понял, что вам нужен купальник. Если вы сообщите о своих пожеланиях и параметрах, его привезут завтра утром.

— Спасибо.

— Ужин через час. Юрий Юрьевич не любит, когда опаздывают. – Максим шагнул к двери, но остановился на пороге. – Я вам рекомендую заниматься вашим пациентом, София Борисовна. И как можно меньше беспокоить Юрия Юрьевича. От этого будет зависеть срок вашего пребывания в доме и вознаграждения. Так что, привыкайте. Здесь безопасно, размеренно и уединённо.

— А это?

Я кивнула в сторону камеры, которая смотрела на меня, светя красным огоньком.

— Это одна из мер безопасности. Можно сказать, производственная необходимость. На этом я с вами прощаюсь. Если что-то понадобится – не стесняйтесь. Звоните. И не опаздывайте.

Максим двинулся к двери, но я не удержалась от вопроса.

— А что если я не пойду на ужин? Например, не хочу есть или просто мне неинтересна компания Юрия Юрьевича?

Максим замер.

— Не рекомендую выбирать конфликтную тактику поведения с самого начала. В вашем договоре прописано круглосуточное сопровождение пациента. Денис будет ужинать. Значит, ваше отсутствие – прямое нарушение договора. И через час, если вас не будет за столом, я за вами зайду, София Борисовна.

Ужасно хотелось поступить наперекор. Но договор с огромной неустойкой, подписанный моей же рукой, висел надо мной как дамоклов меч. Остаться, значит, жить в клетке. Бежать, значит, стать должницей Юрия Юрьевича на всю жизнь.

Едва за Максимом захлопнулась дверь, я рухнула на кровать. Раскинула руки в стороны и пыталась понять, что я могу сделать прямо сейчас. Шагнув в клетку, я сама захлопнула её изнутри. Теперь надо было как-то приспособливаться.

Поэтому я встала, развесила вещи в шкафу. И с трудом удержавшись, чтобы показать в объектив с красной лампочкой неприличный жест, пошла в душ. Мне показалось, что камера недовольно заурчала и повернулась мне вслед.

Заставлять нельзя

Столовая оказалась такой же стерильной, как и кабинет Юрия: серые стены, стеклянный стол на круглых металлических ножках. Стулья с высокой спинкой в стиле хай-тек. Никаких лишних деталей.

Денис уже сидел в инвалидной коляске. В свои почти восемнадцать он выглядел, как шестнадцатилетний. Худой, бледный, с тёмными кругами под глазами. Вчера в клинике он был живее.

Парень не поднял головы, когда я вошла. Его пальцы сжимали подлокотники так, что побелели костяшки. И на моё приветствие он тоже не ответил. Стульев возле стола было только два. Я заняла место напротив Дениса.

Парень молча поджал губы. А когда своё место во главе занял Юрий, устался на отца. Тот начал безо всякого вступления:

— Это София Борисовна. Она будет проводить с тобой занятия. Она врач-реабилитолог.

Они оба посмотрели на меня выжидающе. Я выждала паузу, пока на стол поставили тарелки с овощами и мясом, и ответила своему пациенту:

— Денис, завтра в девять начинаем. Первые сеансы массажа будут болезненными, но это необходимо. Дальше будет легче.

Он опустил взгляд в тарелку. Ковырял вилкой, делая вид, что увлечён составом блюда. Но я чувствовала, как его эта ситуация бесит. Раздражение нарастало. Губы парня вздрагивали, и он кусал их, пытаясь удержать слова.

— Ты слышал? — отец не отставал.

— Слышал, — Денис откинулся на спинку коляски. — Очередная врачиха, которая о себе слишком высокого мнения. Я таких уже видел. Приходят, обещают, а потом уходят. Зачем ты её приволок, пап?

— Денис! — Юрий повысил голос.

— А что? — Теперь он посмотрел на меня со злостью. В его глазах была боль затравленного зверя. — Опять будешь мне рассказывать, что она лучшая? Что на этот раз всё получится? Было уже. И не раз.

— Она лучшая. Ты окреп, сейчас самое время.

— Ну, смирись уже, что я буду колясочником! — Денис бросил вилку на стол. — Зачем ты всё это затеваешь?

Он резко развернул коляску и двинулся к выходу.

— Я не голоден.

— Вернись! — приказал Юрий.

— Не вернусь.

Денис выехал из столовой. Я осталась сидеть. Юрий тоже не бросился вслед. В молчании мы слушали, как удаляется коляска, а потом хлопнула дверь в левом крыле.

Тишина длилась минуту. Или две.

— Он будет делать всё, что вы скажете. Я прослежу, — сказал Юрий, отрезав ножом кусочек мяса.

— Из-под палки ничего не добиться. Мне нужна его воля. Без неё даже самое лучшее оборудование не поможет.

— Вы же работали со сложными пациентами. Заставьте. Вы говорили, что реабилитологов пациентов с травмами позвоночника называют людьми с дубинами. Я даю вам карт-бланш. Делайте всё, что надо, лишь бы он пошёл.

Меня просто затрясло от такого подхода. Оказавшись в клетке, я чувствовала отчаянье Дениса, как собственное.

— Я реабилитолог, а не тюремщик. Я могу лечить тело, но если пациент не стремится к выздоровлению, тут я бессильна.

Юрий отложил вилку и сцепил руки на столе. В его глазах кроме льда, которым он пытался заставить нас подчиняться, я увидела то, что он пытался скрыть. Это была смертельная усталость почти отчаявшегося человека.

— Вы не понимаете, – сказал он тихо. – Он уже полгода никого к себе не подпускает. Вы первая, кто...

— Кто что? – не удержалась я.

— На кого он среагировал. Он просто молчал, и всё. Против вас он настроен агрессивно. Может быть это выход?

— А может быть психолог? С желанием встать на ноги и пойти, но без толкового реабилитолога, восстановиться можно. Денису тяжелее. Кроме отсутствия желания ходить, он не видит положительных примеров.

— Я положительный пример. Пусть смотрит на меня.

— Я имею в виду, что он не видит соседей по палате, которые с серьёзными травмами стараются. Как у них получается сесть, сделать первый шаг, дойти самостоятельно, простите за подробности, до туалета. Это вдохновляет.

— Вот и расскажите ему такие истории. Будем использовать то, что есть. А пока ужинайте спокойно. А то ещё начнёте обвинять меня в том, что морил голодом. Ешьте.

Юрий демонстративно взял в руки нож с вилкой и методично начал расправляться с ужином. Кипя от его чёрствости, я записывала в рот еду, не ощущая её вкуса.

Я смотрела на безупречную рубашку Юрия, на идеально зачёсанные тёмно-русые волосы, и не понимала, как этот человек не видит, что ломает сына. И заодно себя. А потом поймала себя на мысли, что сама тоже чудовищно ошиблась.

Как я вообще попала в эту ловушку? Ведь я всё вчера сделала правильно! На консилиум к травматологу Борису Леонидовичу Акимову пришла, тщательно изучив документы.

Невропатолог Бормина говорила, что целостность спинного мозга не вызывает сомнений. Что рефлексы и чувствительность в норме. Акимов, отмечал, что с костями тоже всё в порядке, но с реабилитацией явно опаздывали.

— Поработай с ним. Парню нужен опытный врач, у которого в арсенале есть всё от массажа, до электрофореза, – уговаривал Акимов.

— Но идея жить вместе с пациентом в одном доме мне кажется странной.

— Считай, что ты врач в загородном санатории. По сути, ты его и будешь разворачивать в отдельно взятом коттедже. Ничего странного в этом нет. Обычная практика. Типа семейного реабилитационного центра. Только пациент один, это легче.

Легче? Куда там!

Борису вторила главный врач Кристина Львовна:

— Там нужен твой опыт, София Борисовна. Да и проверка у нас по жалобе. Лучше будет, если в отделении никто не будет ночевать. Это я тебе, как главный врач говорю. А как коллега ещё по городской детской, сыну которой ты руку спасала после перелома, тоже посоветую. Тебе надо пожить в нормальных условиях. Спать второй год на кушетке в отделении реабилитации и мыться в душевой зала лечебной физкультуры, просто ужасно. А в договоре – полный пансион: питание, проживание. Что тебе ещё надо? Хоть выспишься на удобной кровати. И пациент всего один. Сильно не надорвёшься.

И тут промах. И с одним можно измучиться. Я думала о неприятной ситуации, пытаюсь побыстрее разделаться с ужином. И когда уже почти доела овощи, поймала на себе взгляд Юрия.

Я замерла, ожидая его вердикта. И он не заставил себя ждать. Откинулся на спинку стула. На его губах появилась довольная, почти хищная улыбка. А потом Юрий припечатал:

— Вот поэтому я вас и нанял. Потому что вы не сдадитесь, даже если вашим пациентом будет огнедышащий дракон. Даже волосы у вас огненные. Под стать характеру.

Меня это смутило. Поблагодарив за ужин, я выскочила в коридор и понеслась к своей комнате.

— Это не мой цвет. Я крашусь, – выпалила я напоследок.

В спину мне донёлся смех Юрия и его самодовольное:

— Но вам идеально подходит. – И уже у самой двери: От себя не убежите!

Сложные переговоры

Комната Дениса находилась в левом крыле первого этажа. Я надела удобный хирургический костюм приглушённого малинового цвета и уверенной походкой проследовала по коридору. Стукнула дважды, но ответа не получила.

Повернула голову в сторону сопровождающего меня Максима. Но тот только кивнул в сторону спальни пациента, дескать, продолжайте сами. Я ещё раз постучала, и вновь не получила ответа.

Стукнув в третий раз, приоткрыла дверь и предупредила:

— Денис, это София Борисовна, ваш реабилитолог. У нас запланированы процедуры по плану. Я вхожу в комнату.

Ответа снова не получила. Досчитала до пяти, шагнула в комнату и замерла. Меня встретил полумрак, сияние в дальнем правом от входа углу и мерное клацанье кнопок ноутбука.

Денис лежал без подушки на кровати. Над его головой на подвесных конструкциях висел монитор, больше похожий на большой планшет. Его свет делал лицо Дениса синюшным и ещё более нездоровым, чем обычно.

По обе стороны от тела парня расположились половинки беспроводной клавиатуры. Именно по её кнопкам Денис резво стучал, не обращая на меня никакого внимания. На его бледном лице не отразилось никаких эмоций. Занят он. Разве не понятно?

— Здравствуйте, Денис. Как и договаривались, я пришла проводить реабилитационный комплекс. Вы готовы?

Ответом мне было молчание и клацанье по кнопкам.

— Я посмотрела ваши медицинские документы. В результате сочетанной травмы...

— Не надо, — ответил он с надрывом. — Разговаривать со мной как с ребёнком не надо. Выкать, сюсюкать, это всё — не надо.

Я пожала плечами и подошла ближе.

— Хорошо. Давай без «выканья». Я здесь, чтобы помочь тебе встать на ноги.

— Встать на ноги, — он горько усмехнулся. — Вы все так говорите. А потом уходите.

— Я не буду с тобой спорить. Это никогда не приносит результатов. Давай просто действовать.

Я подошла к окну и распахнула шторы. Комнату залил яркий солнечный свет.

— Ну зачем? Закройте!

— Солнце такое же лекарство, как и остальные. А ты полгода сидишь в темноте. Витамин D не вырабатывается, мышечный каркас тает. А без него невозможно ходить.

— Я на это не рассчитываю. Учусь быть профессионалом не вставая с кровати. Если это моё будущее, я должен стать в нём лучшим. Даже если работать буду лёжа.

Я пожала плечами, и отодвинула подвеску с монитором.

— Ну зачем? — в голосе Дениса появилось раздражение. — Я же не в игрушки рублюсь. Мне учиться надо. Для вас мой случай очередной в практике, а мне экзамены сдавать экстерном в режиме онлайн.

— Встанешь на ноги и офлайн сдашь. Ты сейчас к какой школе прикреплён? К местной?

Денис нетерпеливо мотнул головой. Попытался притянуть подвеску, но я отодвинула её ещё дальше.

— Сначала здоровье, потом учёба и работа. В здоровом теле здоровый дух, и всё такое. Чувствительность у тебя сохранена. Это уже много. Пересаживайся на коляску и пойдём в медицинский блок.

— Да какой в этом смысл? — на лице Дениса появилась усталость.

Но я не собиралась с ним спорить. Только работать до результата.

— Большой. Ты сможешь ходить, а я получу премию в размере годовой зарплаты. Так что торопись, нас ждёт счастливое будущее. Твоё в крутом университете.

— А ваше? – в глазах парня появился интерес.

— А моё на каком-нибудь курорте. Где-то на берегу тёплого моря. Так что давай, не отвлекай меня от пути в отпуск. Одевайся, и поехали.

— Куда? Сделайте массаж здесь, – заупрямился Денис.

Я огляделась по сторонам.

— Это твоя спальня?

Он кивнул и даже не попытался сесть.

— И спальня, и учебный класс, и зона отдыха, и, если захочется, даже кинозал.

— Так не пойдёт. Давай заводить правила: для каждого дела своя одежда и отдельное место. Для моих процедур идеально надеть шорты и футболку. Выбери приметные, чтобы не спутать с остальными. Пересаживайся в кресло. Я подожду тебя за дверью.

— А если я не хочу?

Я посмотрела на него с уверенной ухмылкой.

— Видишь ли, никого не спрашивают, хочет ли человек сегодня идти на работу, в школу или на пробежку. Просто надо, и всё. Берёшь и делаешь.

— Но это бесполезно!

— Мы ходим с тобой по кругу. Это неконструктивно. Меньше разговоров, больше дела. Я знаю, что ты встанешь. Я в тебя верю. Переодевайся и на процедуры. Я буду ждать тебя в коридоре.

— А если я не поеду?

— Ну, раз ты попросил без сюсюканья, я тебе отвечу прямо. Мне нужен результат. Я зайду и увезу тебя на твоей кровати. Если ты забыл, она крутая, и на колёсиках. Так что, я отвезу тебя в чём есть в медицинский блок. А возвращаться тебе оттуда будет проблемно. Я тебя не повезу обратно, а у кровати нет ни мотора, ни другого управления.

— Вы не имеете права! Вы так со мной не поступите! – вскинулся Денис.

— Вот и посмотрим! – отрезала я и вышла в коридор, напомнив, – через десять минут жду в медицинском блоке. И не советую сопротивляться!

С гордо поднятой головой я пошла в правое крыло. Мне вслед поворачивались камеры видеонаблюдения. Казалось, что они следят за мной с холодным любопытством.

У меня не было уверенности, что Денис пойдёт на контакт. Но надежда была. Иначе зачем он со мной спорил или хотя бы разговаривал? Но по давней привычке, войдя в кабинет, я перевернула песочные часы на 10 минут.

Время тянулось бесконечно. Крупинки пересыпались из верхнего резервуара в нижний. Горка на дне росла, увеличиваясь на глазах. И так же быстро таяла моя уверенность.

И когда сверху осталось всего несколько кристаллов, дверь распахнулась. На пороге я увидела Дениса. Его вид меня просто потряс.

Первое занятие

В самом начале на медицинском учишься двум вещам. Во-первых, не падать в обморок при катастрофах. Отрыв конечности или ожог с поражением больше пятидесяти процентов поверхности тела? Оказывай помощь, словно такое у тебя каждый день, и то на завтрак.

Во-вторых, и это вытекает из первого пункта, держишь лицо в любой ситуации. Пациент утверждает, что у него гвоздь в голове? Обычное дело. С инфарктом пришли за помощью через месяц или вообще не пришли? С кем не бывает.

Постепенно эти навыки оттачиваются до филигранности. Я была уверена, что удивить меня попросту невозможно. Но даже мне пришлось приложить усилия, чтобы не рассмеяться.

Денис въехал в кабинет с грохотом и скрежетом. Он сидел в инвалидном кресле, но колёса толкал только одной рукой. В другой он держал наперевес пластиковую палку, вероятно оторванную от швабры.

На голове Дениса было надето декоративное золотое ведро. Завершал образ Максим. Он шёл позади с невозмутимым выражением лица. Одной рукой он тряс край красного плаща Дениса. Во второй нёс меч, выглядящий вполне натурально.

Усилием воли я удержала на месте открывающуюся челюсть. Да, к такому меня жизнь совершенно точно не готовила. Но внешне я смогла выглядеть невозмутимо всё время, пока Максим разоблачал пациента.

— Оруженосец, — пояснил Денис, перехватив мой взгляд.

Это выглядело настолько абсурдно, что я не знала смеяться или злиться. Веселье он не простит. Рассердиться глупо, это его территория, его правила. Я выбрала принять игру.

Максим молча повесил меч на спинку стула. Снял шлем – ведро с головы Дениса и плащ. Оставил их на стуле и замер. Теперь на футболке пациента стала заметна надпись «My other armor is in the shop».

— Этот внешний вид достаточно запоминающийся? Он подойдёт для занятий?

— Разумеется, если ты планируешь и дальше посещать их с ведром на голове. Меня вполне устраивают. – Денис прикусил губу, понимая, что сделал не лучший выбор. Но я не стала его добивать. – Тем более, что всё это только пока «Мои другие доспехи в ремонте». Потом ты выберешь что-то более комфортное.

— Вы хорошо знаете английский?

— Я не знаю английский. А футболку с такой же надписью привёз из Толедо мой друг травматолог Акимов. А перевёл хирург Айрих. Потом они шутили, что у них есть целый набор одинаковых хирургических костюмов. Но их смену никто не замечает.

На секунду я вспомнила областную детскую больницу, пятиминутки, серьёзные консилиумы с коллегами и весёлые перепалки. Сердце кольнуло от понимания, что я всего этого лишена и теперь заперта в клетке на неопределённое время. Стало тоскливо.

— Моя тоже из Толедо. И меч оттуда. Он сувенирный, но выглядит впечатляюще.

Я кивнула, сдержав грустную улыбку.

— Теперь, когда мы оба развлеклись, давайте приступать к массажу. Твои шорты слишком длинные. От колена нога мне практически недоступна. Снимай их. Оставайся в белье, я прикрою его полотенцем, будет прилично.

Денис покраснел и отвёл глаза, но постарался не выдать своих чувств.

— Я не раздеваюсь при посторонних!

— Максим, выйдите, пожалуйста. Врача не стесняются, а вы нам будете мешать во время процедур.

Оруженосец крепче сжал челюсти, пытаясь не рассмеяться, но в его глазах сверкали искры. Он кивнул и выскользнул из кабинета. А я боялась, что услышу в коридоре хохот. Но всё обошлось.

Я отвернулась, делая вид, что выбираю нужное масло среди набора массажиста. Дождалась, когда Денис переберётся на кушетку и снимет шорты, и только тогда к нему вернулась. Накрыла его мягкой простынёй.

— Укладывайся лицом вниз, рыцарь. Первые процедуры будут болезненными. Но без них никуда.

Работая рукам, Денис перевернулся. Я отогнула край простыни и на секунду застыла. Спина была обезображена шрамами. Их было много для такого молодого парня. Да для любого живого человека.

— Денис, я начинаю. Если будет больно — говори. Не терпи.

— Не буду, — буркнул он в ответ.

Мне показалось, что камера над кушеткой сдвинула объектив в мою сторону, словно изучая мою стрессоустойчивость. Не на ту напали, Юрий Юрьевич. Я разогрела руки и приступила к массажу.

Разогревала, растирала, разминала каменные мышцы. Хуже всего было с ногами. Мускулы превратились в напряжённые тонкие тяжи. Запущенная ситуация, но я поджала губы и продолжила.

Как бы я ни старалась щадить Дениса, ему было больно. Он уткнулся лбом в край мягкого валика. Дышал прерывисто, но не просил остановиться и не жаловался. Его тёмные короткие волосы начали намокать от пота.

— Ещё совсем немного потерпеть. Осталось самую капельку доделать.

— Не надо со мной, как с ребёнком.

— Взрослым тоже больно. Иногда даже сильнее.

Я снова погрузилась в работу. Слушала пальцами каждый напряжённый участок, мышечный блок и прорабатывала, растирала и согревала. Облегчала страдания и готовила тело для дальнейшей работы.

На меня из-под потолка смотрели объективы камер. Максим стоял за дверью. Юрий наблюдал у монитора. А я старалась отключиться от ощущения тюремного надзора и полностью отдаться работе.

Когда закончила мы с Денисом одинаково облегчённо выдохнули. Он медленно, преодолевая боль, сел на кушетке. Посмотрел на меня потемневшими карими глазами и вытер полотенцем пот со лба.

— Думал, что вы принцесса, София Борисовна, а вы дракон. — постарался шутить Денис.

— Я не дракон. Я кузнец твоего тела. Будем стучать молоточками регулярно, и получим результат.

— Да вы, наверное и не видели такой корявой заготовки.

Я усмехнулась совершенно искренне.

— Видела много раз. А ты мог наблюдать прекрасный результат, который из них получается.

— И где же это? — глаза Дениса зажглись интересом.

— В больнице. Доктор Акимов был в такой же ситуации, как ты. А потом начал заниматься ежедневно и теперь никто даже не подумает о том, что он мог остаться лежачим.

— Это тот качок, который меня осматривал?

— Он самый. Будем двигаться с упорством, и ты сможешь его догнать.

— Не-не-не. Мне такого не надо! Он же просто гора мышц.

— Ну, не надо, и не надо. Нам хватит и половины его мышечного каркаса и свободного прямохождения. Хотя... - я задумчиво вытерла руки о салфетку. — Девушкам нравятся подтянутые парни. Так что не сбрасывай этот эффект со счетов. Работай на опережение.

— Какие мне теперь девушки? — обречённо мотнул головой Денис.

— Я не знаю какие тебе нравятся. Может блондинки, а может брюнетки. У всех свои вкусы. Потом сам решишь, какую выбрать.

Денис замер. Он застыл, не решаясь пересечь в коляску. А потом поднял на меня глаза, полные надежды и спросил:

— Вы правда думаете, что я встану?

— Я в этом уверена как профессионал. Просто не жди результата завтра и работай. А теперь надевай свою футболку с шортами и давай на физио. Ведро на голову можешь не надевать. Я уже поняла, что ты рыцарь.

Он фыркнул и начал собираться. Теперь в движениях Дениса было больше уверенности, чем раньше. И когда он уехал в соседнюю комнату, я подняла голову к ошкетинившимся в мою сторону камерам.

— Ваш сын — очень сильный парень, — сказала я. — Жаль, что вы этого не видите.

Я не ждала ответа. Продолжала приводить комнату в порядок, когда ожили динамики.

— Вижу. Спасибо. Продолжайте.

— Это я тут врач и сама решаю, что делать с пациентом.

Юрий не ответил.

Я вышла в коридор и направилась в следующий кабинет — готовить тренажёры к физиотерапии. Денис уже должен был быть там.

Но когда я открыла дверь, замерла.

Денис сидел в коляске у окна. Рядом с ним, одетый в чёрный спортивный костюм, стоял ещё один человек. И снова мои медицинские навыки помогли не зашипеть от отчаянья, а приветливо уточнить:

— Хотите тренироваться с нами?

Мужчина кивнул.

— С вами. С вами обоими.

Авария

Даже если бы он молчал или стоял ко мне спиной и против света, я всё равно бы его узнала по осанке. По тому, как он расслабленно держал руки, как повернул голову, при моём появлении.

Я впервые видела Юрия без официальной офисной одежды и безупречно отглаженной рубашке. Сейчас он был каким-то домашним. Мог бы выглядеть уязвимым, но глаза были такими же опасными, как всегда.

Они холодно осмотрели меня, не упуская ни одной детали. Остановились на декоративной пуговице нагрудного кармана. Когда это стало почти неприлично, вернулись к моему лицу.

Денис сидел в коляске между тренажёром и окном. Он напряжённо хмурил брови и переводил непонимающий взгляд с меня на отца и обратно. Значит, тоже не знал о его визите. Опасался.

— Пап, ты серьёзно? – спросил он без обычной агрессии. Скорее устало.

— Абсолютно, — ответил Юрий, не отводя от меня взгляда. — Доктор Кислицына сказала, что тебе нужны положительные примеры. Я буду примером.

— Вы не пациент, – сказала я.

— Сегодня буду им.

Он шагнул к тренажёрам у дальней стены. Он снял тонкую куртку. Короткие рукава облегающей чёрной футболки обнажили старый шрам на левом предплечье.

Я невольно пригляделась.

— Нравится? – спросил Юрий, перехватив мой взгляд.

— Интересный шрам с профессиональной точки зрения. Долго заживал? Келлоидный рубец массивный, – ответила я сухо. – Кто вас зашивал?

— Хороший хирург. В Швейцарии.

— Айрих в нашей хирургии делает аккуратнее. После него даже пластика не нужна.

— Верю. Посмотрите, у меня ещё на животе есть рубец. Он гораздо лучше, сами посмотрите.

Юрий потянул край футболки вверх, а я едва сдержалась, чтобы не отскочить в противоположную сторону, выставив руки перед собой.

— Не надо, я верю! Это лишнее.

Денис хмыкнул.

— Вы какие-то ненормальные, – сказал он. – Пап, ты решил меня смутить? Или доктора?

— Я решил показать, что готов прорабатывать свои травмы, – ответил Юрий. – Как и ты.

Он посмотрел на меня.

— Что делать, доктор?

Я перевела дух. Глядя на льдистые глаза Юрия я поняла, что клетка, в которой я оказалась, начала сжиматься изнутри. Выставить его с занятия у меня не было никакого повода, но делить внимание с пациентом, я тоже не собиралась.

— Судя по вашей физической форме и виду шрамов, после травмы вы уже успели восстановиться и прекрасно себе представляете, что и с какой нагрузкой вам рекомендовано, – сказала я. – У меня другой пациент. Денис, пойдём вот к этому велотренажёру.

— Вы издеваетесь? – оцетинился подросток. – Я не смогу крутить педали. У меня ноги не двигаются.

Он смотрел исподлобья, сжав руки в кулаки на подлокотнике коляски.

— Поверь, я знаю. На этом тренажёре есть функция механической тренировки. Ты вставишь ноги в специальные стремяна. Отрегулируешь так, чтобы нога не выпадала, но и не травмировалась. А потом я покажу, как настроить нужный режим.

— Режим чего? Сидения на велосипеде без движения?

Денис смотрел на меня зло. Его глаза сверкали, а крылья носа раздувались.

— Режим стимуляции. Ты пока, заметь, я говорю «пока», не можешь крутить педали самостоятельно. Но целостность костей и нервных стволов восстановлена. Мозгу нужны сигналы о том, что нижние конечности готовы к ходьбе. Пока не ты управляешь ногами, этим может заниматься тренажёр. Ты раньше на нём не работал? Другие реабилитологи не включали велосипед в программу?

Денис переглянулся с отцом.

— Нет, – сухо ответил он.

— Ничего страшного. Значит начнёшь со мной. Это не так сложно, как кажется. Тренажёр будет сам крутить за тебя педали. У тебя получится.

Денис мотнул головой.

— Вы прямо как мама. «У тебя всё получится... Я в тебя верю...».

— Ну, нет. Я не мама, а реабилитолог. Поэтому давай чётко делить – она тебя любит, а я лечу.

В кабинете стало тихо. И настраивающий режим на беговой дорожке Юрий, и Денис, замерли. Парень смотрел на меня со странной смесью удивления и раздражения, но заговорил не со мной.

— Пап, ты что, ей не сказал?

— Нет.

И снова повисла тишина. Денис выпрямился и глядя мне в глаза отчеканил:

— Мы с мамой были в машине, когда она взорвалась. Она погибла на месте, а я очнулся в больнице. Потом было два месяца операций. Теперь началась реабилитация.

— Я соболезнаю.

У меня в голове зашумело. Ну, как так? Почему мне нельзя было этого сказать? Объяснить про гибель матери и какие-то другие важные детали, которых лучше не касаться.

— Потому что вы бы ко мне не согласились пойти работать реабилитологом.

Оказывается я произнесла свои вопросы вслух, и теперь мне было ещё больше стыдно за неуместное проявление эмоций. Хотелось как-то сгладить ситуацию. Но вопрос тоже нельзя было оставить без ответа.

— И почему бы я не пошла к вам работать?

Теперь я смотрела только на Юрия. Он не стал отводить взгляд. Ответил спокойно, хотя и тише обычного.

— Потому что это была не просто авария на дороге. Травма Дениса и гибель Светланы не были случайностью. На них было совершено покушение. – Он сделал паузу. – Но вы можете не переживать, сейчас приняты такие меры предосторожности, что вам не о чем беспокоиться.

Мне стало страшно. Холод пробежал по спине. Я попала не просто к параноику с камерами. Им всем действительно угрожала опасность, а теперь и мне. И назад дороги не было.

Я сделала глубокий вдох.

На них вели охоту. Покушались. И кроме внутренней угрозы со стороны Юрия, у меня появилась внешняя. Из-за которой погибла женщина и ребёнок остался инвалидом.

Голова закружилась. Но вместо того, чтобы продолжать расспросы, я постаралась вернуться к профессиональной реальности. Кивнула Денису в сторону велотренажёра.

— Давайте начинать занятие. Мы уже достаточно отвлеклись на посторонние для реабилитации моменты. Телу нужна тренировка. Воспоминание хорошо, а движение – жизнь, – сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Я кивнула в сторону велотренажёра, и Денис с шумным выдохом подъехал на инвалидной коляске. Юрий дёрнулся к нему, чтобы помочь пересесть, но я посмотрела таким убийственным взглядом, что он не решился вмешиваться.

Продолжая давать указания, я следила за выполнением механической тренировки, а сама думала, что надо узнать, по какой причине эта семья оказалась под ударом.

А ещё я поняла, что попала не в клетку, а в ловчую яму. Клетку можно отпереть. А чтобы вырваться из капкана, требовалось отгрызть себе ногу.

Наше занятие проходило в напряжённой тишине. То и дело я ловила на себе их взгляды: тяжёлый, изучающий Юрия и растерянный, извиняющийся Дениса. Но ни один из них не сказал мне правды.

Значит правду мне придётся узнавать самой. А вот чего мне это будет стоить: ноги или головы, узнаю позже.

Тени прошлого

После ужина я никак не могла успокоиться. Теперь я видела не просто параноика, а человека, который вынужден защищать и без того уже покалеченного ребёнка. Тем более что травмы не были случайностью.

Чтобы как-то успокоиться и вернуть себе внутреннее равновесие, я пошла в гостиную к камину. Он был электрическим, но создавал уют в небольшом уголке при выключенном верхнем свете.

Я придвинула кресло, уселась ближе к пляшущим языкам пламени. Но тишины не получилось. Рядом со мной совершенно беззвучно материализовался Максим.

— Не спится, София Борисовна?

— Вам тоже, Максим, как вас по отчеству?

— Сергеевич, но предлагаю по именам. — Он сделал паузу, а когда я кивнула, продолжил, — вы же понимаете, что на IT-гения Целлера ведётся охота?

Я замерла. В груди неприятно сжалось в области сердца.

— Вы смотрели новости полгода назад? — продолжил Максим.

Я смотрела. Все смотрели. Миллиардер Целлер построил систему искусственного интеллекта, которая, по слухам, могла взломать любую защиту. На него совершили покушение. Жена и сын погибли в аварии. Он забрал прах и исчез.

— А при чём здесь я?

— Вы работаете у Целлера. Юрия Юрьевича и его сына Дениса. Все, кто находятся в доме, допущены к этой информации. Я хотел, чтобы вы это понимали.

В висках стучало. Это не просто богатый с травмированным ребёнком. Это Целлер! Вот почему он заключал договор от юридического лица, где не было его фамилии. Теперь понятно, зачем он отобрал у меня телефон.

— Всё очень серьёзно. Его ищут до сих пор, — сказал Максим тихо. — Все. От промышленных шпионов до политиков. Тот, кто завладеет его ИИ, получит власть над миром.

— Почему вы мне это говорите? — охрипшим голосом спросила я.

— Я работаю на Целлера пятнадцать лет и обязан ему жизнью. — Максим сделал паузу. — Он почти умер вместе с женой. Ни с кем не общался. Ни на кого не обращал внимания. Васс он посадил за стол. Пришёл сам на занятие. Поверьте, для него это нечто невообразимое. И я хочу, чтобы вы были с ним...

Максим пробовал подобрать слова, а меня окатило горячей волной.

— Поласковей? — возмутилась я. — Вы за кого меня принимаете?

— Что вы! — Максим выставил руки вперёд. — Я не хотел вас обидеть. Просто предупредить, что для Юрия Юрьевича это не просто так. Не интрижка, и не обычное заигрывание с прислугой. Для него это...

— Мы сами разберёмся! — перебил его Юрий.

Целлер стоял у выхода из столовой с двумя кружками и коробкой печенья под мышкой. Он выглядел уставшим и расстроенным. Не злым, а огорчённым.

— Максим, — сказал он тихо. — Выйди.

Охранник метнул в меня взгляд полный невысказанной просьбы и ушёл. Я осталась одна с Юрием. Он прошёл к столику возле камина. Поставил на него две чашки и коробку с печеньем.

— Максим получит за сводничество. Но по сути вопроса о причинах нашего затворничества, он прав. Теперь ты знаешь, во что ввязалась.

Он перешёл на ты, изучая мою реакцию. Меня это волновало больше, чем я бы хотела.

— Я ввязалась в работу, – сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Остальное меня не касается.

— Касается, – он шагнул ко мне. Приставил кресло к моему и сел. – Потому что ты уже здесь. Ты уже часть нашего мира, в котором есть исчезнувший создатель уникальной ИИ и его сын, считающийся погибшим.

Юрий придвинул ко мне чай и выпечку.

— Я заметил, что ты пьёшь чёрный с чабрецом. И что на печенье ты смотрела за ужином, но взять не решилась.

— Фигуру берегла, – смутившись ответила я.

— Такую фигуру невозможно испортить. Если что – тренажёры в твоём распоряжении. А пока угощайся, София.

Теперь он назвал меня по имени, и во мне отозвалось ярче, чем хотелось бы. В нашем общении было что-то запретное, недопустимое. Он миллиардер, которого ищут сильные мира сего. И я, которую бывший муж вышвырнул на улицу.

Чтобы скрыть волнение, я схватила чай и печенье. Откусила и закатила от удовольствия глаза. На лице Юрия появилась хищная улыбка, и я едва не поперхнулась отхлебнув чай.

— Не торопись. Вечер длинный. Всё успеем. – И снова это прозвучало как намёк. – Но теперь, когда ты знаешь мои секреты, я хочу знать твои.

— У меня нет секретов.

Я пожала плечами, стараясь безразлично улыбнуться.

— У всех есть.

Он посмотрел на меня так, что я не могла отвести взгляд. А пересохшие губы пришлось облизать. Глаза Целлера потемнели.

— Почему ты согласилась на эту работу? – спросил он. – Не только из-за денег. Ты не из тех, кто продаётся.

— А из каких я?

— Я хочу понять.

Я молчала. А потом слова полились сами.

— Потому что после развода у меня ничего не осталось: ни жилья, ни денег. Я получила машину в кредит. С ноутбуком было так же. Автомобиль я сразу продала, но денег на погашение кредита не хватило. Я научилась перекладывать деньги с одной беспроцентной кредитки на другую, и экономить, не покупая себе ничего. Жить пришлось в больнице. Спать на кушетке в дежурантской. Главврач была моей коллегой по другой больнице и закрывала на это глаза. А сейчас у неё проверка. Подставлять хорошего человека – последнее дело. А тут ваше предложение. Я подумала, что это выход.

— Вы так бедно жили с мужем?

— Нормально жили. – Воспоминания были неприятными. Они жгли изнутри унижением. – Мой бывший владеет половиной недвижимости города. Новиков, слышал? – Теперь и я перешла на ты, и это добавило разговору остроты. – Но у бывшего всё куплено не в браке или оформлено не на него. Вот я и оказалась там, где проживание в закрытом коттедже показалось находкой.

— И что ты потеряла переехав сюда?

— Себя, — сказала я. — Кажется, я потеряла себя.

Юрий помолчал. А потом сделал то, чего я не ожидала. Он протянул руку и коснулся моей щеки. Осторожно, почти невесомо. Глядя на меня с восхищением, как на произведение искусства.

— Ты не потеряла себя, — сказал он. — Ты просто забыла, где искать.

Я сбросила оцепенение и отшатнулась.

— Не надо, — сказала я. — Не надо меня жалеть!

— Я не жалею. Я понимаю.

— С чего бы?

— Потому что я тоже терял всё. Несколько раз. И каждый раз думал, что это конец.

— Но ты выжил.

— Выжил. Потому что было ради кого. – Он склонился ближе.

Я не выдержала первой. Вскочила и отбежала к противоположной стене.

— Это хорошо. Денис – отличная мотивация жить. Спокойной ночи. Нам понадобятся силы, чтобы жить завтра.

— От себя не убежишь, София. Я это уже понял, а ты? – донеслось до меня, пока я не успела выскочить в коридор.

Сердце колотилось, а в груди горело потому, что Юрий был прав. Я хотела убежать от себя.

Я сказал, нельзя!

Мы продвигались в реабилитации Дениса крохотными шагами. Я видела положительную реакцию мышц на массаж и физиопроцедуры. Но мне было понятно, что страх не даёт парню начать действовать.

И я решила использовать вертикализатор, для толчка. Среди оборудования был новенький аппарат. Он подходил по росту и весу, а для моих целей был совершенно бесполезным.

Я открыла ноутбук, за который мне оставалось ещё три платежа. Открыла новую вкладку браузера. Удивительно, но тут же нашлась сеть с названием Мариам. Она оказалась незапаролённой.

Мне надо было понять, какое оборудование просить у Максима. Нужна была модель с мягкими фиксаторами. Обязательно переднеопорная. А ещё, желательно комбинированная статически-динамическая.

Я ещё не успела найти нужный раздел, как экран стал чёрным. На нём появилась красная надпись «Запрет». А потом и буквы исчезли, а в коридоре раздались громкие быстрые шаги. Дверь в мою комнату распахнулась без стука.

— Дура! — Рявкнул Целлер.

Я вздрогнула и резко обернулась. Юрий стоял в дверном проёме с планшетом в руках.

— Это что ещё такое? – спросил он, двигаясь в мою сторону.

— Вы что, следите за моим ноутбуком?

— Я слежу за всем, что подключено к интернету в этом доме! — Он навис надо мной, яростно тыча пальцем в планшет. — Вы подписывали протокол безопасности. Кто разрешил вам выходить в интернет?

— Там не было ни слова про ноутбук.

— Ноутбук — это связь с внешним миром. А внешний мир – это угроза.

— Но я ни с кем не связывалась. Не писала писем, не отправляла сообщений! Я просто зашла на сайт интернет-магазина.

Он подошёл к столу. Положил планшет передо мной. На экране была открыта моя вкладка с вертикализаторами.

— Ты понимаешь, что наделала?

— Я хотела выбрать оборудование для реабилитации.

— У нас полно всякого оборудования! Вы говорили, что у нас его больше, чем в вашей больнице.

— Но оно не подходит! Мне нужно другое. Денису нужно.

Его глаза горели. Крылья носа раздувались. Едва сдерживая ярость, он продолжал говорить твёрдым голосом:

— Ты подвергла жизнь опасности.

— Да почему? Я не запускала мессенджеры. Не связывалась с друзьями. Не выходила в социальные сети. Я просто сделала заказ на сайте медицинского оборудования.

Он схватил ноутбук, развернул экраном ко мне. Нажал несколько кнопок и экран снова засветился.

— А это что?

— Моя личная почта. Я не заходила в эту вкладку. Это никак не связано с заказом.

— Не связано? — его голос стал пугающе тихим. У меня от него даже пальцы на руках похолодели. — Ты в своём уме? Почта привязана к тебе. Если нас отследили в больнице, будут искать зацепки. Единственный внешний след – твой. Ты открыла браузер, почта автоматически подключилась. И это может помочь нас обнаружить.

— Я не подумала, — прошептала я, леденя от понимания, что могло произойти.

— Не подумала? — он повысил голос. — У вас есть мозги? Начинайте ими пользоваться!
— Не смейте меня оскорблять!

Слова вырвались сами собой. Внутри всё кипело. Никто, даже бывший муж, не называл меня идиоткой в глаза. Я вскочила на ноги, и, хотя ростом с Целлером не сравнилась, двинулась в его сторону, размахивая руками.

— Я сделала это для вашего сына. Чтобы он мог встать на ноги.

— Для Дениса? — он шагнул ко мне. — Это глупо! Лучше не иметь аппарата для лечения, чем человека, для которого этот аппарат нужен.

Я не отступила, и мы стояли друг против друга на крохотном расстоянии.

— Я не нарушала правила намеренно.

— Я сделал всё, чтобы таких глупых ошибок не было. Забрал телефон. Заблокировал связь. Объяснил, почему это важно. И никакого толка! И высшее образование не помогло, и понимание ситуации – тоже.

— Я пыталась помочь вашему сыну! — я уже почти кричала. — Вы сами сказали: делайте всё, что нужно. Я делаю. А вы орёте на меня, как на провинившуюся кошку.

— Потому что даже кошка понимает, что дверью может прихлопнуть!

— Я требую уважительного к себе отношения! — я выпрямилась, хотя внутри всё дрожало. — Я не преступница. Я врач, который хочет поставить вашего сына на ноги. И я просто не понимала, что открыть ноутбук уже опасно.

Он замолчал. Смотрел ещё со сталью во взгляде, но уже не кричал.

— Зачем вы полезли на этот сайт? — спросил он грозно. — В доме есть всё. Абсолютно всё. Любое оборудование. Любые тренажёры. Любые аппараты. Зачем взбрело в голову лезть в интернет?

— Потому что тот вертикализатор, который у вас есть, не подходит Денису, — сказала я, глядя ему в глаза. У меня внутри всё тряслось от страха, но я старалась говорить спокойно. — Ему нужна другая конструкция.

Целлер смотрел на меня долго. Так долго, что я уже начала бояться, что сейчас взорвётся снова. Его челюсти были плотно сомкнуты, а глаза, казалось, прожигали меня насквозь.

— Ваш доступ в интернет я уже заблокировал, так же, как и несанкционированную сеть из посёлка, — сказал он. — Сейчас зайдёт Максим со своим планшетом. Он закажет всё, что нужно. И больше, чтобы это не повторялось. Никаких телефонов, ноутбуков, голубей с посланиями. Это всё не шутки. От этого зависит жизнь. Это только бизнес и ничего личного.

Он развернулся и вышел так же быстро, как и появился в моей комнате. А я рухнула на кровать, обхватив себя руками. Внутри всё кипело от обиды и страха. Я снова почувствовала себя бесправной пленницей.

Но теперь я поняла, что моя собственная глупость тоже уменьшала размер моей тюрьмы, загоняла меня в угол. Мне хотелось выть. А потом в дверь тихо постучали.

— София Борисовна, можно?

Максим скользнул в комнату совершенно беззвучно.

— Я сейчас помогу всё заказать и оплатить, — сказал он без предисловий. — С безопасного аккаунта. Через три дня вертикализатор будет здесь.

— Хорошо.

Он скользнул по мне взглядом и качнул головой, видя, что ничего хорошего нет.

— Но сначала я хочу, чтобы вы поняли, что Юрий Юрьевич не монстр. Просто он винит себя в покушении, в котором пострадал Денис. Думает, что недоглядел. Не защитил. И теперь боится повторения. Любую ошибку он воспринимает, как катастрофу.

— Да неужели? Соболезную, — сказала я тихо, едва заметно дёрнув плечом. — Только это не извиняет его. У всех есть свои раны. У меня был муж, который меня оскорблял и заставлял унижаться. Я жила в постоянном страхе сказать не то, сделать не так. Но я же не кидаюсь

на мужчин с кулаками, — я посмотрела на дверь, за которой скрылся Юрий. — И не срываюсь на тех, кто слабее и кто зависит от меня.

Максим помолчал. Потом кивнул.

— Вам не должно было так доставаться, — сказал он тихо. — Но у Юрия Юрьевича исключительная ситуация.

— У всех своя исключительность. Это он вас прислал?

Брови Максима взметнулись вверх.

— Что вы! Он меня ещё накажет за самоуправство.

— Зачем вы его выгораживаете?

— Потому что я хочу, чтобы вы остались. Чтобы вы поняли, с кем имеете дело, и не боялись. Это не со зла, а из-за страха потерять то, что дорого.

Я посмотрела на Максима не как на охранника, а как человека.

— Спасибо, — сказала я. — За то, что пришли. За то, что сказали. Но в следующий раз пусть говорит сам. И извиняется пусть тоже сам.

Максим поджал губы, но спорить не стал.

Прорыв

Денис больше не огрызался. Не отворачивался к стене. Его униформой стали футболка с надписью про доспехи и короткие трикотажные шорты. Это значительно облегчило наши занятия.

Мы проводили комплекс реабилитации каждый день. Массаж, пассивная механическая нагрузка ног, активные упражнения для рук и туловища, электростимуляция, водная гимнастика.

Это не добавляло надежды. Но и плюсы были. Денис начал ко мне привыкать. На последнем массаже он сказал:

— А вы знаете, что у вас руки как у мамы?

Я замерла на секунду.

— Почему?

— Мама тоже была тёплая и не боялась меня трогать. Остальные боялись, а потом уходили.

— Я не уйду. Я не такая пугливая.

Он посмотрел на меня с тоской во взгляде и не ответил. Но он не знал, что я ещё и упорная. Поэтому, когда пришёл вертикализатор, едва могла усидеть на месте и не опробовать его прямо сейчас.

Дождавшись, когда его соберут, я позвала Максима. Одна боялась не справиться. Нас всех охватило волнение. Я установила опору в горизонтальное положение, распустила фиксаторы.

Хотела чтобы Максим помог Денису занять место в аппарате, но парень запротестовал:

— Я сам справлюсь. Оруженосец может быть свободен.

Максим посмотрел на меня, и я едва заметно кивнула. Когда мы остались вдвоём с Денисом, тот теперь смотрел на вертикализатор, как на огнедышащего дракона.

— Я буду в нём стоять? – спросил парень.

— Да. Аппарат будет поддерживать тебя, распределяя нагрузку.

— Стоять, — повторил он. — Я полгода не стоял.

— Я знаю. Поэтому будем учиться заново.

Он посмотрел на меня. В глазах — паника, смешанная с надеждой.

— А папа будет смотреть?

— Папа уже смотрит, — тихо ответила я, поджав губы и кивнув на камеру в углу. — Он всегда смотрит.

Денис хмуро кивнул. Он пересел на подъёмник. Дрожащими руками я закрепила крепления. Зафиксировала голени, поясничной и грудной пояс, ремни под мышками. Проверила, чтобы крепления не давили, но держали надёжно.

— Начинаем, - сказала я и нажала кнопку.

Вертикализатор начал медленно подниматься. Денис зажмурился, вцепился в поручни. Я чувствовала, как дрожат его руки.

Пять градусов. Десять. Пятнадцать.

Двадцать.

Денис открыл глаза.

Он стоял.

Как и раньше ноги его не держали. Денис висел на креплениях, как костюм на вешалке. Ноги Дениса были слабыми, но аппарат поднял его на высоту человеческого роста. Выпрямил спину и суставы ног.

— Я стою, — прошептал он. — Я стою!

— Ты стоишь, — улыбнулась я. — Молодец.

Он посмотрел на меня. Глаза блестели.

— Не надо меня хвалить, — сказал он, но голос дрожал.

— Не буду. Но сейчас нам с тобой будет чем гордиться.

Не дожидаясь его расспросов, я нажала кнопку с заранее выставленным углом. Вертикализатор дрогнул и наклонился верхней частью выше пояса вперёд на 15 градусов.

Денис вскрикнул, резко выставил вперёд руки. А потом, совершенно не контролируя свои действия, шагнул. Я замерла, боясь дышать. Сначала вперёд сдвинулась правая нога, а потом левая.

Ступни не касались пола, и это нельзя было назвать полноценным шагом. Но сами движения ногами были невероятным прогрессом! А, главное, Денис увидел, что сам на это способен. У меня перехватило дыхание.

Вертикализатор замер в этом положении. Парень медленно опустил руки, а потом, не веря своим глазам, дотронулся пальцами рук до бёдер. Медленно, словно во сне, ещё раз сдвинул вперёд правую, а потом и левую ногу.

— Я горжусь тобой! – сказала я.

Денис отвернулся, но я заметила, как он быстро припечатался щекой в плечо, и на нём осталось мокрое пятно. Парень ещё несколько раз пробовал двигать ногами. Пока получалось так, словно он был куклой на верёвочках.

Но это был невероятный прогресс!

Внутренне дрожа, я опустила вертикализатор. Денис тяжело дышал, но не жаловался. Его тёмно-русые, как у отца волосы, намokли от пота и прилипли ко лбу и шее. Он смотрел на потолок не отрываясь.

— Я смог, – сдавленно сказал он.

— Да. Ты умница. Я тобой горжусь.

Он молча кивнул. С выражением лица совершенно потерянного человека, спустился в кресло, когда я расстегнула крепления. Я попросила Максима проводить Дениса. А когда осталась одна, рухнула на стул и, сложив руки на кушетке, расплакалась.

Слёзы хлынули потоком. Я не пыталась их сдерживать. Горло сжалось так, что стало трудно дышать. Я рыдала от облегчения, гордости и того, что Денис наконец-то поверил в себя.

А ещё оттого, что мне не с кем было разделить эту радость. Обычно мы обсуждали успехи с коллегами. Сейчас бы я неслась к Акимову или Борминой. Но переживала этот эмоциональный всплеск в одиночестве.

Постепенно взяла себя в руки и вздрогнула от хриплого голоса Целлера за спиной. Я украдкой вытерла лицо ладонями и поднялась на ноги. Обернулась.

— Я видел.

Юрий стоял в дверях. В футболке, джинсах, без обуви. Растрёпанный и домашний. Почти что уязвимый. Он смотрел на меня так, будто видел впервые.

— Вы плакали, – сказал он.

— Нет.

— У вас красные глаза.

— Аллергия на ваши камеры.

Он усмехнулся. Сделал шаг ко мне. Потом ещё один. Остановился почти вплотную. Юрий смотрел на меня долго. У него было шальной, растерянный взгляд.

— Вы странная, София Борисовна. Вы сильнее, чем выглядите. И слабее, чем хотите показать.

Я сделала шаг назад. Но Целлер не дал увеличить расстояние между нами. Он вцепился в меня взглядом. Преследовал, словно хищник. Моё сердце тревожно заняло в груди, а потом сорвалось в галоп.

— Это неуместно.

Я постаралась осадить Целлера. Но его это только раззадорило. Он качнулся ближе, и я отступила дальше.

— Знаю, – ответил он.

— Вы меня обидели в прошлый раз.

Я сказала это скорее для себя. Чтобы напомнить, почему должна держать дистанцию.

Он помолчал. Тишина длилась так долго, что я уже не рассчитывала на ответ.

— Помню, – сказал он тихо. – И прошу прощения.

Я не ожидала. Миллиардер, который контролирует каждый мой шаг, извиняется? Это сбивало с толку. Лишало опоры и понимания.

Юрий говорил с таким волнующим взглядом, что я облизала внезапно пересохшие губы. Мне нечего было сказать, а Целлер не умолкал. Он прижал меня к стене. Руки поставил по обе стороны от моих плеч. Я оказалась в ловушке.

Я хотела отвести взгляд, но не смогла.

Его глубокие серые глаза сверкали хищным блеском. Смотрели так, будто он пытался прочесть меня насквозь. Он тяжело, прерывисто дышал. Я чувствовала тепло его тела. Слышала, как бешено колотится моё сердце.

— Спасибо вам за Дениса София. Я восхищаюсь вами, – он говорил медленно, как будто пробовал слова на вкус.

Я постаралась ускользнуть. Но он не сдвинулся, чтобы освободить мне проход. Молчал. Его глаза скользили по моему лицу. Я застыла, словно олень в свете фар. Не могла отвести от него взгляд.

— Как профессионалом? – хрипло уточнила я.

— И не только, – едва слышно ответил он.

Воздух наэлектризовался. Я чувствовала его кожей, словно прикосновение. Юрий придвинулся ближе. Наклонился к моему лицу.

Я замерла. Сердце колотилось где-то в горле. Его дыхание коснулось моей щеки.

— Зачем вы... – начала я.

Но он не дал договорить. Наклонился ещё ближе. И я забыла, что хотела спросить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.